

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ И ДЕТИ
(К вопросу о биографии писателя)

Александр Васильевич Бобирь

Жизнь И. А. Гончарова нередко представляется нам ровной, замкнутой, даже по-обломовски однообразной, кроме, разве, кругосветного путешествия на фрегате "Паллада". Но в биографии писателя еще были события, которые характеризуют его как человека решительного и деятельного, способного взять на себя ответственность за других.

На склоне лет И. А. Гончаров в воспоминаниях *"На родине"* (1888) с большой теплотой писал о некоем Якубове. За этим персонажем скрывалось реальное лицо - Николай Николаевич Трегубов, который много значил в жизни писателя.

В 1798 г. Трегубов в чине капитан-лейтенанта вышел в отставку и поселился в деревне, но, заскучав в глуши, вскоре переехал в Симбирск. В городе Трегубов снял светлый и уютный флигель в доме Гончаровых. Жили хозяева с постояльцем дружно, человек он был интересный, общительный.

Когда в 1819 г. умер отец будущего писателя, отставной моряк переехал в дом, заняв половину его. Дворня Трегубова слилась с дворней Гончаровых и попала под управление матери Ивана Александровича, на плечи которой легла вся "материальная часть". А Трегубову достались "интеллектуальные заботы". Он был верный и близкий друг Авдотьи Матвеевны Гончаровой на протяжении тридцати лет ее вдовства.

Трегубов был просвещенным и начитанным, владел познаниями не только в морском деле. Он постоянно выписывал из столицы книги, брошюры, газеты, интересовался историей, политикой.

"Крестный", как все в доме называли Трегубова, в отличие от строгой и требовательной матери, относился к детям ласково, закармливал их сладостями, потакал малостям, давал деньги на мелкие расходы. Но это не мешало ему серьезно готовить детей к жизни, особенно мальчиков. Свои имения Трегубов раздал Гончаровой и ее дочерям - Александре Александровне Кирмаловой и Анне Александровне Музалевской. А с сыновьями вдовы поступил по-мужски, заявив: "Я дал им в приданое образование и позабочусь об их карьере, - остальное пусть добывают сами".¹

Из четверых детей Гончаровых Ваня был самым близким к старому моряку. Трегубов вспоминал о раннем детстве будущего писателя: "Лет шести, верно, выучил его грамоте, а уже и не рад, как он начал читать... такой-то клопик заползет ко мне в библиотеку и торчит там до тех пор, пока насильно его не вытащат есть или пить".² В его библиотеке мальчик прочитал опи-

сание всех кругосветных путешествий. Когда Ваня подросток, крестный занимался с ним математикой, физической географией, астрономией, познакомил с навигацией и картой звездного неба, объяснил движение планет, вращение Земли. Часто Трегубов рассказывал о морских походах. Эти рассказы, как правило, заканчивались пожеланиями: "Ах, если бы ты сделал хоть четыре морские кампании, то-то бы порадовал меня!"³

Беседы со старым моряком, широкие разливы Волги, которыми часами любовался мальчик, укрепили мечту юного Гончарова о дальних странах, увиденных им во время кругосветного путешествия на фрегате "Паллада" в 1852 - 1855 гг.

Когда пришло время отдавать на учебу, Трегубов поступил разумно и рассудительно. Зная истинную цену частным пансионам Симбирска, он с грубоватой прямотой моряка, но объективно дал оценку симбирским учителям и воспитателям: "Невежи. Черт их знает, чему они учили наших ребят?... Спросишь самое обыкновенное, детское, и на это один ответ; "Нам об этом не говорили": что же они там преподавали?..."⁴

Своего любимца Ваню, после кратковременного пребывания мальчика в одном симбирском пансионе, он отправил в заводжское село Репьевка и определил в пансион гуманного и образованного батюшки Федора.

Когда десятилетнего Гончарова отвезли учиться в Москву, Трегубов видел своего крестника только на каникулах. Потом летом приезжал Гончаров-студент Московского университета. И каждый раз он встретил "ласкового, безмерно доброго отца и друга".⁵

Трегубов успел порадоваться появлению первого романа своего воспитанника "Обыкновенная история", но увидеть молодого писателя ему не удалось. Старший моряк скончался в 1849 г., незадолго до приезда И. А. Гончарова в Симбирск.

Писатель с благодарностью вспоминал, что Трегубов "умными советами, заботливым руководством нашего воспитания превосходил и родного отца".⁶

Может показаться, что Н. Н. Трегубов остался только в благодарной памяти писателя.

Лишь отдаленно напоминает о Трегубове ситуация, в которой оказался гончаровский герой Илья Ильич Обломов. В четвертой части романа после разлуки с Ольгой Ильинской и продолжительной болезни, живя в доме вдовы Пшеницкой, постепенно выздоравливал. Агафья Матвеевна взяла на себя все заботы о продовольствии постояльца, чтобы избавить его от всяких хлопот. Илью Ильича отвлекали от горестных раздумий и воспоминаний хозяйкины дети, он задавал им "уроки, слушал, как они читают, и улыбался на их детскую болтовню..."⁷ Обломов чувствовал себя покойно и уютно, когда за обеденным столом рядом со взрослыми сидели дети.

После смерти главного героя романа И. А. Гончаров не забыл сообщить о судьбе дочери и сыновей Пшеницкой: "Дети ее приустроились, то есть Ванюша кончил курс наук и поступил на службу; Машенька вышла замуж за смотрителя какого-то казенного дома, а Андрюшу выпросили на воспитание Штольца и жена..."⁸

Конечно же у Обломова нет и доли той преданной любви к детям, того деятельного участия в их воспитании и образовании, которые были присущи Трегубову. Да и от Ильи Ильича этого и нельзя было ожидать.

Шли годы... И жизнь предоставила возможность И. А. Гончарову повторить то, что сделал для него Н. Н. Трегубов.

В течение многих лет домашним хозяйством И. А. Гончарова заведовал камердинер Карл Трейгут, уроженец Курляндии (старинное название территории теперешней Латвии). У него была довольно большая семья - жена, две дочери и сын.

Отец с детьми был грубоват. Писатель видел, что они еми в тягость, что он всегда гнал их от себя прочь. И мать, с утра до ночи занятая работой, мало уделяла им внимания, в основном заботилась лишь о том, чтобы ребята были сыты и одеты.

И. А. Гончаров, который так и не создал свою семью, был ласков с детьми, а старшая девочка Саня ходила у него в любимых. По воспоминаниям писателя, Трейгуты даже упрекали его за то, что он балует девочку.

Однажды Трейгут тяжело заболел. Это встревожило писателя. Он не представлял, что будет делать с детьми, если слуга умрет. А опасность смерти была реальной. О своем предчувствии И. А. Гончаров писал сестре А. А. Музалевской "Умри он - останется больная вдова с тремя ребятишками, из которых одну старшую девочку, мою любимицу, я кое-как могу куда-нибудь приутоить, а на всех не хватит у меня ни средств, ни попечений! Мне надо взять другого слугу, а куда они денутся!"⁹

Еще раньше И. А. Гончаров предполагал, что было бы, если бы у него была семья, дети. В 1866 г. он писал Е. П. Майковой: "Я даже думаю, что меня ужасала бы ответственность за воспитание и я бы страдал трусостью о том, как вести детей и что из них будет. Непрестанное общение с ними - было бы моею и отрадою, но и страхом вместе: угадать их пути и готовить к ним - я бы, конечно, сделал это задачей себе, но и изнемогал бы под ее тяжестью. Нет, хорошо, что у меня нет никого ближе племянников".¹⁰

То, чего так опасался И. А. Гончаров, невозвратно надвигалось. В 1878 г. слуга Трейгут умер. Его жена, убитая горем, тяжело заболела. Писателю казалось, что он попал в безвыходное положение: "Я совсем теряюсь: чужое семейство на руках, почти умирающая женщина, дети, и мой мнительный характер, нервность, и ко всему ограниченные материальные средства - просто смерть...".¹¹ Мы-то сейчас представляем, что писатели прошлого столетия о деньгах не заботились, получая баснословные гонорары. Гончарова же эта проблема мучила всю его жизнь. Писатель вынужден был из-за нехватки средств пойти на службу цензором, чем вызвал многочисленные упреки своих современников.

Вот и теперь, после смерти слуги, нужно было думать, решать, что делать. Заводить нового слугу невозможно. Расходы удваивались, а денег не было. Вдова Трейгута, Александра Ивановна, заменить мужа не могла, потому что часто болела. Мысль о том, чтобы распрощаться с осиротевшим семейством и таким образом обречь его на нищенское существование и в голову не приходила.

И. А. Гончаров пришел к единственно верному для себя решению. Мысль о новом слуге он отбросил и оставил вдову и сироту себя, на Моховой. Может быть, писатель вспомнил свою безотцовщину и пример крестного - моряка Трегубова. Или снова представил Илью Ильича Обломова, который пригрел возле себя детей вдовы Пшеницной и обрел семейный покой.

С этих пор жизнь Гончарова значительно изменилась, наполнилась ежедневными хлопотами, заботами о завтрашнем дне, беспокоеством о будущем детей.

Дети - Саша, Вася, Лена, их мысли, чувства, привычки были в центре внимания Гончарова. Он дал ребятам потемные прозвища: Саша была Лицей-Подъячичкой, Вася - Стариком-Генералом, а младшая Леночка - просто Лягушонком. Отказавшись от услуг помощников, писатель ежедневно занимался с детьми математикой, русским и иностранными языками. Летом все семейство выезжало на дачу в Дуббельн.

Гончаров любил сирот, как своих детей, часто делал им подарки, умеренно баловал их. Своими мыслями о воспитании детей он едился с друзьями: "Я доказывал и доказываю, что баловство со всех сторон, а ля мадам Просатакова в Недоросле, конечно, губительно, но умное, тонкое и доброе баловство с одной стороны необходимо: оно и не баловство, а любовь. А луч явной тепловой любви откуда-нибудь да должен падать на детские головки, как солнечный луч - греть их на заре жизни, не потрясая нервными бурями, давая развиваться зародышам телесных, умственных и нравственных сил".¹²

"Мало-помалу, - вспоминал А. Ф. Кони, - их жизнь пустила в его существование крепкие, неразрывные корни".¹³

Чужие люди стали для Гончарова ближе, чем родственники, особенно племянники, осаждавшие писателя. как в романе "Обыкновенная история" Александр Адуев своего дядю. О них он в сердцах говорил: "Какие это родные, что в них близкого мне? Чужие, но близкие по мысли, по чувствам могут быть мне более дорогими, чем кровные родные, - только таким родством я дорожу и высоко ценю его".¹⁴

Главная забота Гончарова состояла в том, чтобы дать детям образование. И в первую очередь старшей девочке, своей любимице семилетней Сане.

По совету Е. А. Никитенко писатель определил Саню на учение в Ивановское женское училище, при котором имелась гимназия с приготовительным классом. "Я сделал этот шаг, - писал Гончаров, - с любовью к милому ребенку и еще более с желанием облегчить заботы больной ее матери, буквально изнемогающей от тяжести с трех ребятишками. Жертва для нее тяжелая, почти невозможная..."¹⁵

Плата за учение была очень высокой. Только первый годовой взнос - 300 рублей. А денег по-прежнему не было. Чтобы обеспечить образование Сани до конца, Гончаров уступил крупному петербургскому книгопродавцу И. И. Глазунову право на издание книги "Фрегат Лаллада". А позже писатель нашел средства, чтобы Саня и Лена получали уроки музыки.

И. А. Гончаров часто думал о будущем старшей девочки: "Я не знаю, что готовит ей судьба, хотя в то же время сама

природа как будто указывает ей выход из ее положения, дав ей ум, понятливость такт - и потом слабую нервную кожуру. В грубой среде, в ремесленных трудах - в черной работе - она просто зачахнет".¹⁶ Писатель сделал все, чтобы слепая воля судьбы не искалечила молодую жизнь.

После гимназии Александра Трейгут училась на Высших женских педагогических курсах, которые закончила в 1890 г. Гончаров побеспокоился об устройстве девушки на работу, просил М. М. Стасюлевича подыскать для нее место учительницы в начальных училищах.

В 1891 г. Александра вышла замуж за своего учителя музыки А. Д. Резвецова. Гончаров мог быть спокоен за ее жизнь.

А младшие - Василий и Елена воспитывались в закрытых учебных заведениях на средства Гончарова и закончили их после смерти писателя. Василий Карлович стал штабс-капитаном, участвовал в русско-японской войне.

И. А. Гончаров по-отцовски заботился о будущем своих воспитанников. Еще в 1866 г. он в письме дал разъяснения своим посмертным распоряжениям. Понимая, какую плохую услугу он мог оказать сиротам, дав им солидное среднее образование и не позаботившись о том, чтоб не поддержать их на первых шагах жизни, писатель оставил семье Трейгут "денежное имущество и движимость".

Теплые отношения сохранились у Гончарова с матерью его воспитанников, которая по силе возможностей заботилась о стареющем, почти потерявшем зрение писателе. Об этом свидетельствует пронизанный доброй иронией автограф Гончарова на романе "Обрыв", подаренном вдове: "Александре Ивановне Трейгут, заботливой моей няньке и глаз моих, и денег, и белья, и дел моих рачительнице, и строгой блюстительнице порядка в доме, искусной разливательнице чая и проч. и проч. и прочая на добрые воспоминания о благодарном за ее уход больном старичке и авторе. Май 1884".¹⁷

Злые языки, вероятно, вспомнив взаимоотношения Обломова с Пшеницной, готовы были пустить сплетню о Гончарове и Трейгут. Но пересуды умерли, не успев родиться. Современники писателя были уверены в их нравственной чистоте: "... никаких других отношений (кроме дружеских, основанных на заботе о детях, - А. Б.) между ними нет и не может быть. Не такой он человек".¹⁸

Закат жизни русского писателя был согрет заботой о детях, к которым он относился, как к родным. Помня о незабвенном Трегубове, Гончаров отдавал долг любви о доброты. Иначе поступить он и не мог. Как вспоминал близкий друг писателя А. Ф. Кони, "сердце у него было нежное и любящее. Это был капитал, который не мог оставаться без употребления и должен был быть пущен в оборот".¹⁹

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Ленинград 1969, с. 25.
- 2 Там же, с. 27.
- 3 ГОНЧАРОВ, А. И.: Собрание сочинений в 8 т., том 7. Москва 1980, с. 272.
- 4 И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Ленинград 1969, с. 28.
- 5 ГОНЧАРОВ, И. А.: Собрание сочинений в 8 т., том 7. Москва 1980, с. 272.
- 6 Там же, с. 268.
- 7 Там же, том 4, с. 380.
- 8 Там же, том 4, с. 492.
- 9 АЛЕКСЕЕВ, А. Д.: Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. Москва - Ленинград 1960, с. 229.
- 10 ЧЕМЕНА, О. М.: Создание двух романов. Гончаров и местидесятница Е. П. Майкова. Москва 1966, с. 148-149.
- 11 Из письма к Е. А. Никитенко. Цит. по кн.: АЛЕКСЕЕВ, А. Д.: Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. Москва - Ленинград 1960, с. 310.
- 12 ЛОЩИЦ, Ю.: Гончаров. Москва 1977, с. 328.
- 13 И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Ленинград 1969, с. 259.
- 14 Там же, с. 293.
- 15 АЛЕКСЕЕВ, А. Д.: Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. Москва - Ленинград 1960, с. 231-232.
- 16 ЛОЩИЦ, Ю.: Гончаров. Москва 1977, с. 332.
- 17 АЛЕКСЕЕВ, А. Д.: Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. Москва - Ленинград 1960, с. 266-267.
- 18 Литературное наследство, том 87. Москва 1977, с. 34.
- 19 И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Ленинград 1969, с. 258.